

Единственный в России институт реабилитации и профессиональной подготовки слепых — в Волоколамске. Он создан для тех, кто уже во взрослом состоянии потерял зрение. Для тех, кто был травмирован на производстве, в сельском хозяйстве... Здесь учат делать первые шаги во мраке, учат работать, продолжать жить.

ПРИХОДИТСЯ осваивать все с нуля. Учиться ходить, общаться, слышать, воспринимать... Та, прежняя, жизнь перечеркнута. Она только мешает, напоминая о себе постоянной жестокой болью воспоминаний, видений. И сон твой, как жизнь, а жизнь — словно сон.

Попробуйте, предложили мне в институте, хотя бы дома, где все знакомо и привычно, надеть черную повязку на глаза и побыть в ней часа два. Попробовал. Минут через десять возникло нестерпимое желание сорвать мрак, через час — появилось ощущение удушья. Больше, признаюсь, не выдержал. Ну а когда не эксперимент, когда на всю жизнь? Говорят, что ослепшему хочется залезть в петлю. Не поворачивать — невозможно.

Александр Виноградов — из Иваново. Работал преподавателем в местном текстильном институте. Стаж — 22 года. Ехал как-то вечером на собственном «Москвиче» и не заметил стоящий с потушенными огнями троллейбус... Разлетелось лобовое стекло, осколки попали в глаза... Пенсия по инвалидности — 42 тысячи. Не хочется сидеть на шее у домашних. Приехал в институт, чтобы научиться столярному делу. На звуки и на ощупь стругает, забивает молотком в рамы гвозди. Пригодится? «Жена, дочь — ждут».

Хорошо, когда кто-то есть, кто-то заинтересован в тебе. Ведь самое горькое, что пострадавший теряет куда больше, чем зрение — семью. Как правило, уходит жена или муж, немедленно забирая детей... Это правило вывели здесь сами сотрудники института, повидавшие, ох, сколько всякого! Нечасто на помощь приходят ближние и близкие, подбадривают, помогают встать на ноги, сочувствуют. И судьба Виноградова — скорее исключение. А кто из вчерашних коллег уже через месяц вспомнит о калеке? А кто придет навестить «по линии профкома»? Утрата семьи, работы, друзей. И иллюзий. Драма. Депрессия. Шок. Словно в тебе взрывается снаряд, разнося прошлое, лишая настоящего, отвергая будущее. Надо перешагнуть, переступить, стиснув зубы, заставить себя поверить в себя и себе. Вырваться из топкого болота сомнений, отчаяния, боли. У каждого ли хватит для этого силы, мужества?

Али Рамазанов из Махачкалы. 27 лет. В 1989 году после дождя пошел купаться на Каспий. Море было холодное, плавал долго. Любил плавать. Воспалились глаза, конъюнктивит, осложнение. Практически полная потеря зрения. Учился тогда на 4-м курсе пединститута...

— Писать по Брайлю научился быстро. А вот читать... Я борец в прошлом, кожа на руках огрубела, потеряла чувствительность...

Сейчас он живет, учится, строит планы. А тогда...

— Первые полгода после несчастья одолевал каждую ночь один кошмарный сон. Пожар — я в огне. Горит все. Бегу, но не вижу, куда, не вижу, где выход. А огонь все ближе и ближе. И никто не поможет, никто не подскажет, не выведет. Я стонал, проспался. Вспоминал все, что произошло. Хотелось выть. И вдруг в один из снов в огне появился мальчик. И позвал: «Али, иди сюда». Протянул руку и вывел из пожара. И из оцепенения.

Начал вновь тренироваться. Появилась цель — поехать на Олимпиаду инвалидов в Барселону. Тренировки, тренировки, невероятное напряжение сил. И в результате физических перегрузок — окончательная и полная потеря зрения. А на Олимпиаду взяли «своего» инвалида. Но самое страшное все равно уже было позади. И даже та грязная пакость бюрократов от спорта не была бедой, от которой приходят в отчаяние.

ТРАГЕДИЯ. Можно сколько угодно повторять это слово. И ничего не понять. Пока не увидишь здоровых крепких ребят, которые с мрачной молчаливой решительностью передвигаются вдоль стенок, наткаясь

на выступы, обходя друг друга. Без шуток и улыбок. В тишине. От кабинета к кабинету, из класса — в класс. Ощупывая прежний видимый, а теперь такой жестокий, неподатливый мир. И таблички на дверях в коридорах особые — пластиковые с выпуклыми точками, расположенными в определенном порядке. Одеты студенты аккуратно, независимо от возраста. Этому тоже учат. Гладить, стирать, зашивать, уметь выглаживать, уметь

Как мы, здоровые да сильные, не ценим то, что дано нам природой. Те простые вещи и истины, что подарены нам Богом. Суетимся всю жизнь, озлобляемся по пустякам, ненавидим ближних, спорим из-за ерунды. Запоминаем обиды и сами обижаем. Жестоко, хладнокровно, беспощадно. Стреляем, убиваем хуже зверей... Вместо того, чтобы просто любить, просто жить. Ради себя ради других, ради самой жизни и любви.

Лозоплетение, макраме, переплетное дело, вязание — это традиционные предметы. Но есть и новые — стеноки. Или компьютерная стенография. Слепых учат регулировать клапаны в легковушках. Получается. А

Работал столяром на заводе. Отскакивал шуруп... Живет один, ему 54 года. Приехал в Волоколамск из Кинешмы, где работал в УПП — Учебно-производственным предприятии для инвалидов. Научился на прессе изготавливать литую вилку для холодильников. Поступали в УПП заказы из Белоруссии, Горького... Но связи хозяйственные развалились, предприятия приходят в упадок. УПП закрылось, как и десятки, сотни ему подобных по всей стране. И кому нужен слепой? Есть, правда, нормы и квоты обязательного приема инвалидов на работу, да только кто их соблюдает?

Вот и приехал Борис в институт за новой специальностью.

ПЕРВЫЕ ШАГИ ВО МРАКЕ ЖИЗНИ

посмотреть на себя со стороны. Слепому...

...Очередной класс — кухня. Обычная для всех нас. И полная загадок и неожиданностей для них — калек. И это нужно. Научиться резать хлеб, солить суп и готовить пищу. Каждое движение — открытие, его нужно заучивать, многократно повторять. Как какой-то сложный технический прием.

За столом трое парней с пустыми глазами.

— Что приготовили?

Пауза. Двое всем своим видом показывают, что не хотят участвовать в разговоре.

— Ци, — отвечает третий и пытается улыбаться. Он не видит собеседника и не знает, как себя вести, куда повернуть голову. Подать ли руку в ответ на приветствие или нет? А вдруг тот, кто говорит с тобой, сам не видит. Или, если «нормальный», ему неприятно само рукопожатие калеки?

Наставница прикладывает палец к губам. Лучше, мол, не продолжать разговор.

Беспомощность, словно унижение, словно пощечина. Ее стесняются, ее ненавидят, боятся. И чтобы покончить с неопределенностью, приезжают в институт реабилитации. Приезжают со всех концов бывшего Союза. Никому отказа нет. Прежние границы и связи развалились, а здесь — общий дом. И для азербайджанца, потерявшего в Карабахе зрение, и для белоруса, украинца... Никто не спорит о территориальных пределах, никто не конфликтует по национальному признаку. Танцевальный зал, а есть и такой — для всех. Новый год отмечали сообща. Здесь как бы действующая модель прежней развалившейся, кровоточащей ныне державы.

Калеки прозорливее зрячих, мудрее, терпимее. В этих стенах невольно понимаешь и другое.

можно еще, например, научить разбирать и собирать коробку передач. Но, как всегда, не хватает помещений, деталей, средств, сырья...

ТАТЬЯНА Савельевна Шалагина — психолог. Первый шквал отчаяния, боли выходит на нее. И она должна предотвратить самое страшное. Найти убедительные слова, ободрить, утешить, вывести из тупика. И она убеждает, что можно жить, можно обзавестись семьей, научиться важному делу. И ей в конце концов верят. И не случайно: она сама слепа от рождения. Слепой поводья слепых. Без иронии или подтекста. Так оно и есть. Татьяна — человек удивительный. Удивительно обаятельный. И даже темные очки, которые она никогда не снимает, не меняют в моем восприятии ничего. От Татьяны исходит какаля-то искренняя доброжелательность. И вера. Она излучает надежду.

— Сейчас успокаивать, утешать проще, чем несколько лет назад. Какие аргументы и доводы я имела право привести? Что надо работать? Что общество нуждается в твоих руках? Что ты сможешь приумножить богатство Родины, стать строителем социализма?..

Собеседница говорит об этом без усмешки. И эти слова она произносила так, чтобы потрепавшие все могли хоть за что-то зацепиться в этой жизни.

— Сейчас я могу призвать к терпению через ту или иную веру. Христос страдал за всех нас, мы должны страдать за него... И человек сам по себе ценится не потому, что у него две руки или два глаза, а потому что он личность.

Подумав и вспомнив ей одно известное и понятное, она добавляет: «Когда плачет мужчина, это очень тошно...»

Владимир Михайлович Борин.

Хочет работать по дереву. Вырезает кубки, чаши, разделочные доски, полочки. Не музейные образцы, конечно, но можно использовать дома, украсить квартиру. Можно продать...

Это вообще главное. В стране 200 тысяч слепых. Еще недавно 56 тысяч из них работали. В тех самых специализированных мастерских. Что-то склеивали, шили, собирали. Слепой человек был связан с трудовым коллективом, работал, зарабатывал. Сейчас лишь 20 тысяч из них работают. И число это стремительно сокращается. А жизнь дорожает, становится жестче, беспощаднее. Вот и получается, что милосердие «в рамках социализма» мы потеряли, а ничего другого пока, увы, не приобрели.

Калеки же не становятся меньше. И кто вообще застрахован от беды? Конечно, не только одному вязанию надо учить. Кстати, у директора института Вячеслава Николаевича Брезжунова есть на этот счет вполне рыночные планы. Построить филиал (а строительство уже началось), где обучать фермерству, коневодству, свиноводству. Создать отдельный цех по ремонту автомобилей. Пасеку завести. И надо ремонтировать основной корпус, который порядком обветшал, да страшно тесен...

Вот почему и просили хозяева института через газету передать их беспокойство: нужна помощь средствами. Это в первую очередь. И мы свой голос к той великой просьбе присоединяем.

Вадим КАРПОВ.
Фото Валерия УТЦА.

Р. С. Авторы публикации перечисляют свой гонорар на счет института. Расчетный счет института 00609414 в МАНБ «ВОЗРОЖДЕНИЕ», г. Волоколамск. Институт реабилитации и профподготовки слепых